

Наша Лора лучше всех

Сегодня — 1995. — 21 апр. — 110.
Премьера оперы Гайдна «Неожиданная встреча» в Ницце

Ницца — Арль

Алексей Парин

В

Ницца влюбляется с первого взгляда. В ней есть все: размах большого культурного центра и натуральность старинных улочек, спокойствие налаженной жизни и блеск неординарных развлечений, в ней есть обольщающее море с гигантской набережной и страшные скалы с узкими тропками, воздух с букетом немислимых ароматов и люди со счастливыми лицами. В ней есть молодой Музей Шагала с его библейскими полотнами и разрисованным клавишином, укрывшийся в глубинах городских холмов. Есть и старая Опера, вылезшая к самому пляжу, снаружи строго-серая, а внутри красно-золотая, но без помпы и вычур, большая, пятиярусная, чем-то напоминающая петербургскую Мариинку.

Там сегодня дают раритет — оперу Гайдна «Неожиданная встреча». Несмотря на то, что оперы венского классика на нашей сцене играют не каждый день, уберегу читателя от исторической справки; в конце концов есть на свете справочники, а дело критика — не пересказывать, а критиковать.

Займемся прямыми обязанностями. Засучим рукава. Ну кого там как следует откритиковать, чтобы мать родная не узнала?

Знаете, стыдно сказать, вроде некогда. И рад был бы Гайдну воткнуть, что, мол, Амадеус-то в театре больше понимал, так ведь качество музыки у автора «Встречи» такое высокое, что язычок-то и прикусишь. Как послушаешь хотя бы терцет для женских голосов из первого акта, которому было бы не стыдно красоваться в магии моцартовских «Cosi fan tutte», так и охо-

та критиковать полностью отпадет. По фабуле «Встреча» ближе к «Похищению из серала» с ее перипетиями алла туга, но музыкальные таинства и итальянские ухищрения либреттиста Карла Фриберга заставляют вспомнить как раз изощренно-таинственных «Cosi».

И рад был бы режиссеру Жану-Луи Тамену сделать выволочку за неглубокость концепции, да игра в съемки фильма на ниццкой киностудии «de la Victorine» в тридцатые годы и прочие смачные примочки живо напомнили мне один из самых артистичных и симпатичных спектаклей Александра Тителя, его вольно разыгранную «Сказку о царе Салтане» и ностальгическое умиление остудило критический пыл. Не захотелось лезть с мелкими придрирками ни к художнику Карло Дьяппи, ни к осветителю Жану-Паскалю Прашту: знают они свое дело, знают, и придуманные режиссером клипы обретают под их руками броскую, как полагается в *dramma giocoso*, и элегантную обертку.

Еще одни руки заслуживают безусловной и безоговорочной похвалы. Те, которыми прикоснулся к музыке Гайдна тридцатилетний китайский дирижер Лонь Ю, нынешний музыкант-рекорд Пекинской оперы. Безупречное чувство стиля, то есть классическая ясность музыкантской мысли и полное отсутствие манерности в самых вычурных пассажах, — это еще полдела, хотя и они на полу не валяются; чем особенно запомнился Лонь Ю, так это свободой высказывания в рамках канона, постоянным содержательно-человеческим наполнением всех поворотов сюжета.

Певцы один лучше другого. На сцену французской команды в Марселе и итальянской в Монте-Карло (см. «Сегодня» от 12 и 18 апреля сего года) пришли англо-американские коллеги. И на сей раз надо на корню отмести

обычные причитания в адрес американцев: мол, все они ровные и хорошо обученные профессионалы, да вот только какие-то все безындивидуальные, инкубаторские. Канадка Ребекка Кейн и англичанка Луиз Уинтер, согласно нехитрой фабуле рабыни и конфидентки главной героини, с равным мастерством изощряются в искусстве соблазнять мужчину (по роли) и околдовывать публику (по природе). Тенор-премьер по стати Уильям Берден, приносящий с собой на сцену все солнце родной Флориды, недаром только что спел в «Мессии» Генделя под руководством придирижового Уильяма Кристи и Тамино в Англии: тембр его голоса изыскан и высветленно-искренен, а техника пения почти головокружительна. А вот характерный тенор Стивена Коула обладает действи-

тельно головокружительной способностью игрового перевоплощения, а заразительность поведения черного певца на сцене сразу же превращает его в любимую игрушку публики. Феноменальный немецкий вокалист баритон Вольфганг Раух встает рядом со своими англо-американскими коллегами вровень, а француз Бернар Эмбер не портит ансамбля.

Остается сообщить самое приятное. Особенно для тех, кто принимал жаркое участие в перипетиях последнего Конкурса Чайковского по разделу сольное пение. Да, да, главную роль во «Встрече» пела наша всеобщая любимица Лора Клейкомб, которую жюри обидело второй премией!

Лора уже успела сверкнуть в Женеве, сенсационно заменив заболевшую «звезду» в беллиниевских «Капулетти и Монтекки». Сразу после спектаклей в Ницце состоится ее дебют в Лозанне в роли Джильды. Так что формальный полусуспех в Москве, кажется, собирается обернуться триумфальным шествием по сенам Европы. Публика Ниццы, свидетельствуя, оказалась не менее жаркой, чем московская, и затопила Лору морем одобряющих выкриков и аплодисментов.

Да и было за это. Климат в Ницце малость получше, чем в Москве, и простудных явлений у Лоры не наблюдалось. Посему ко всем нам знакомому отточенному артистизму и всех нас сразившей обольстительной внешности добавилась абсолютная вокальная свобода и перламутрово-поблескивающий тембр. Обращу еще внимание на феноменальную полетность голоса (без всякого усилия заполняющего очень большой зал Оперы Ниццы), бравурные, торжествующие *forte* и копающиеся в нашем костном мозгу *pianissimi*, каскады развратно-раскованных колоратур и струсения эротично рококошущих трелей.

Но самое главное состояло в том, что нашей Лоры на сцене как бы не было. Мы уже и в Москве заметили, что, исполняя небольшой фрагмент из оперы, Лора как-то незаметно выскользнула из собственного облика и представала вдруг своей героиней в натуральную величину, неузнаваемая и интригующая (особенно запомнилась ее Зербинетта из «Ариадны на Наксосе»). Вот и здесь с начала до конца перед нами была элегантная, не без манерности, французская киноактриса, привыкшая к своей звездной болезни и с полным удовольствием, даже восторгом снимающаяся в роли персидской принцессы Реции и заодно крутящая роман с красавцем-премьером. Ария-клип на ориентальных полушках являла нам сказочную диву, поцелуи в диафрагму на моторе-авто врезались в память знойной грезой, триумф с диademой из перьев оборачивался шествием Клеопатры. Кажется, Лора Клейкомб незаметно становилась воплощением околдовывающей Ниццы.

Московская публика, отмечу я вдруг в приступе внезапно нахлынувшей ревности, вообще-то имеет на Лору свои, особые права. Вот только как там в московских оперных театрах, предвидится ли ансамбль, в который нашу любимицу диву было бы не стыдно пригласить?

